

© 1996 г.

СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Н.Е. Покровский (д-р социол. наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова): Тема "круглого стола" логически приводит к вопросу: работают ли в нашей среде "иноземные" социологические категории? Чтобы ответить на него, попробую вернуть к очень краткому их списку, который прозвучал в выступлении А.И. Зимина. Мы говорим: "фашизм", "монархия", "национализм", "социализм". Я бы еще добавил "рынок", "демократия", "приватизация" и целый ряд других таких же конструкций. Их специально не называю категориями, это скорее мыслительные конструкты, которые, на мой взгляд, носят характер метакатегорий и в точном смысле слова не могут быть отнесены к разряду собственно социологических. Они идеологически предельно нагружены, очень трудно поддаются эмпирическому насыщению и по этой причине (немаловажное обстоятельство) мы все так или иначе начинаем терять точку опоры, входя в их контекст и поэтому часто переходим на "личности" и идеологические обвинения в адрес друг друга.

Между тем в середине XX века социология ввела в научный оборот целую группу понятий. Они представлены в любом учебнике: "референтные группы", "ролевые наборы", "социальная структура", "бюрократия", "институционализация", "лидерство", "нормы", "универсалии", "конфликты", "жизненный курс" и т.д.

Без них я не мыслю современной социологии. Представим, что мы изымаем их из дискурса. Следствием этого станет то, что все здание социологии рассыплется. И в системе этих понятий, мне кажется, нет никакой русской или российской специфики. О ней в таком контексте просто бессмысленно говорить, как и о российской медицине, физике или химии и т.п.

Историческая рационализация социологии на Западе дала нам целый ряд серьезных теорий среднего уровня. Именно они подвели нас к формированию данного категориального аппарата. И мы должны не только поблагодарить за них западную социологию, но и заявить, что принимаем и берем на вооружение этот методологический инструмент.

"Инструмент" употребляется здесь не случайно. Инструмент изначально обладает свойствами всеупотребимости, определенной универсальности по отношению как к "мастеру", так и конечному результату. В любом случае, вне единства системы "инструментов" невозможен ни один технологический процесс, включая научный.

Поэтому мне бывает несколько странно слышать нередко встречающиеся у нас утверждения о том, что в России, в ее истории и российском обществе "западные" социологические категории не работают, что они-де неэффективны и посему требуют радикального переосмысления. Мне представляется, что нам сегодня требуется не изобретать собственные "инструменты", а как можно быстрее, глубже и разностороннее осваивать лучшие из имеющихся.

Все сказанное составляет лишь одну сторону дела. Вторая состоит в том, что универсальность, совместимость, взаимозаменяемость и взаимодополнительность в

социологической теории не поднимается выше "среднего уровня", прекрасно обозначенного в свое время известной теорией Р. Мертона. Как только социологическая теория входит в сферу макросоциологической рефлексии по поводу исторических или социокультурных тенденций больших масштабов и, соответственно, силится создать некий универсальный объясняющий конструкт - как только это происходит - социология теряет почву под ногами и наполняется идеологией.

В качестве примера подобного "конструкта" хотел бы сослаться на теорию глобализации. На мой взгляд, она по сути не социологическая. В методологическом плане — не фальсифицируема, ибо "объясняет все факты". Все в нее укладывается. Скорее всего, как и многие аналогичные ей теории (вроде теории постиндустриального или информационного общества), проживет какое-то время и сойдет на нет без серьезных последствий для социологического сообщества. Но сейчас она рассматривается как универсальная, ведущая, непререкаемая. Именно в этом смысле она представляется мне неработающей.

Мне думается, культурные регионы в современном мире обладают чрезвычайно большой спецификой, разветвленной системой специфических культурных ценностей, не сводимых к ценностям других культур и не обменивающихся на **них** (что, разумеется, не отрицает возможности и необходимости диалога культур и их взаимного познания).

Это очевидное разнообразие не подразумевает некой единственной социологической теории (неважно какой), подводящей под все это единое теоретическое основание. Но стоит спуститься на одну ступень ниже, где господствуют научно обоснованные теории среднего уровня и соответствующая им система инструментов, как мы обнаруживаем область удивительной эффективности социологического познания - транснационального и транскультурного, служащего объединению сообщества социологов, а не его разъединению.

А.И. Зимин: А можно ли адекватно перевести на иной язык русское слово "артель", наполнить его изначально понятным россиянину содержанием?

Н.Е. Покровский: Наверное, нет. Поэтому мысль моя очень простая. Я как преподаватель и отчасти как пишущий человек хотел бы выделить в журнале язык социологии, наполненный этими инструментами-понятиями, которые только обогащают его и дают нам возможность общаться друг с другом. Именно в них мы понимаем друг друга. Но как только мы начинаем говорить в терминах типа "фашизм", "анархия", "рынок", "социализм", "приватизация" и прочее - происходит распад точек зрения.

Хотел бы еще сделать несколько комментариев относительно того, что было здесь сказано о социологе и харизме. Однажды мне пришлось на международной конференции полемизировать с Андреем Синявским, который сделал очень талантливый доклад о русской культуре и роли интеллигенции в ее развитии. Смысл состоял в следующем. Беда русской культуры и литературы, по его мысли, в том, что все русские писатели были больше чем писатели. "Поэт в России больше чем поэт". По Синявскому, надо от Толстого философию отнять, от Достоевского философию отнять, вот тогда будут писатели - нормальная, здоровая, культурная, вполне европейская литература. Русских писателей, интеллигентов "испортила" именно философия. Я надеюсь, что правильно передаю его позицию.

Вопрос состоит в следующем: портят ли социологию ее претензии на то, что она стремится стать духовным харизматическим лидером в обществе. На Западе - бесспорно. Там действительно социологи берут на себя роль разрыхлителей интеллектуальной почвы, оставляя окончательный выбор общественному мнению, властям, средствам массовой информации. "Мы разрыхлили почву - засеять будете вы, - как бы говорят западные социологи. - Мы не можем знать, что вы посеете. Но когда посеете, мы снова посмотрим, что у вас получится".

Такова была традиционная общепринятая позиция западной социологии, как бы дистанцировавшейся от "качественных" проблем общества и бравшей на себя роль "количественного" судьи и эксперта.

Ныне же происходит существенное изменение ситуации. Социология набирает не свойственную ей метафизическую высоту и входит в область метасоциологической глобализации.

А что же в России? Быть может, прав А. Синявский, требующий от русской культуры максимальной замкнутости на себе в противовес вторжению в проблемы общества?

Думается, все же известный критик и идеолог не совсем прав.

Одновременно со всемерным наращиванием своего "технического" потенциала (прежде всего методологического) наша отечественная культура, включая и социологическую, может и должна удерживать традицию харизматичности и даже, если угодно, социального мессианства. Такова роль интеллигента, в том числе и социолога у нас. Пусть же в рамках национальной культуры социология будет обладать определенной метафизической высотой, но все это будет основываться на прочном фундаменте структур интернационального социологического словаря.

Последнее замечание относительно того, что Запад не един, что французские социологи не похожи на немецких, немецкие на других и т.п. На мой взгляд, и я здесь согласен с Н.И. Лапиным, они действительно не едины. Но когда эти ученые приезжают в Россию и выступают у нас, они оказываются весьма едиными. У них выделяется набор совершенно определенных позиций. При этом он носит характер однозначности. Я никогда не видел сомневающихся западных социологов или представителей иных интеллектуальных профессий, которые анализируют ситуацию в России и дают нам советы. Они всегда точно знают, что им нужно, и удивляются, почему мы их разумным советам не вполне следуем.

То же самое относительно тоталитаризма. Это зеркальное соотношение. Когда мы в свое время приезжали на Запад и объясняли, что у нас очень много разного, у нас разные школы, разные группы, есть люди, тесно сотрудничающие с властью, и есть такие, которые создают себе какой-то интеллектуальный мир пещер, есть и иные, - нам говорили: "Бросьте! Все вы едины, потому что у вас есть единственный набор доказательств". То есть издали все кажется единым, а вблизи проявляются самые разные краски.

Вывод следующий. Хорошо, что мы занимаемся анализом категорий, потому что он противостоит тому, что я называю ритуалистикой в отношении России, когда собирается некая конференция и выступающие начинают со священнодействия по поводу истории России. Это очевидно носит культовый характер. В нашем случае социология должна с помощью категорий, и этим мы сегодня занимаемся, противостоять такого рода культу, бесконечным конференциям, на которых тщетно пытаются выделить "российскую парадигму".

С.А. Лебедев (д-р филос. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова): Я позволю себе начать с комментария к выступлению Н.Е. Покровского. Прежде всего, не могу согласиться с противопоставлением категорий (понятий) "конструкциям", с утверждением, что первые важнее вторых. Это - рецидив трактовки познания как "отражения". С точки зрения современной методологии науки все научные понятия, как эмпирические, так и особенно теоретические, суть наши конструкты, получающие свое содержание и смысл не в своем изолированном бытии и соотносительности с неким обозначаемым "объектом", а только как составные элементы некоего контекста, функционально подчиненные ему как целому и входящим в его состав отдельным элементам. Корреспонденция возможна только через когеренцию, только через включение в определенный контекст, представляющий собой, с одной стороны, данность (и даже предзаданность), но по отношению к любому понятию и познавательному

действию, а с другой - продукт и объект интеллектуального творчества. Думаю, что конструктивная природа категорий социального познания имеет даже более ярко выраженный характер, чем в естествознании, поскольку результат социального теоретизирования существенно зависит от идеологического и экзистенциального контекста. Представляется, что осознание такого рода характера социального познания позволит глубже понять неизбежный плюрализм теорий и необходимость более осторожных, чем в естествознании, претензий социальных теоретиков на "объективность" и "однозначность" своих построений.

Во-вторых, мне кажется, что попытка Покровского подчеркнуть общее, что объединяет, и то специфическое, что различает западную позитивистскую социологию и нашу отечественную, имеет смысл. Но развитие этой темы во многом зависит от акцентов, которые делаются исследователями. Да, мы должны отдавать должное содержательной специфике российской социальной реальности. Но, с другой стороны, это не означает полной неприменимости западной социологии к нашей действительности. Здесь есть только две конструктивных возможности: либо скорректировать западные теории (если они достаточно общи и отвечают принятым методологическим стандартам), либо создать альтернативные, которые были бы конкурентоспособными.

В-третьих, я не могу согласиться с Покровским в том, что упор в современной социологии на глобализацию современного мира - это плохо.

Н.Е. Покровский: Я не говорил, что глобальные процессы непременно носят отрицательный характер. Отнюдь. Я лишь утверждаю, что на этом основании еще нельзя строить здание единого идеологически насыщенного учения под названием "теория глобализации".

С.А. Лебедев: Да, об этом у нас стали много писать в начале перестройки, когда заговорили о "новом" мышлении. И тогда идея глобализации вызвала неоднозначную реакцию у политиков и социологов. Одни оценили ее как политически и идеологически вредную, ненаучную. Другие видели в ней исходный принцип новой социологии. Но сегодня ясно одно - идея глобализации есть отражение реальных процессов. Давайте не будем закрывать на это глаза. В мире идет мощное информационное, экономическое, культурное взаимодействие. И я не вижу этому разумной альтернативы. Я согласен с Н.И. Лапиным в том, что пока этот процесс можно обозначить только как переходное состояние. Еще не отстоялось во многом то, куда пойдет мир, куда пойдем мы. Пока непонятно, насколько реализуются те проекты, которые были ангажированы нашей властью, в какой степени они вообще возможны на российской почве. Глобализация - всеобщий и закономерный процесс, от которого мы никуда не уйдем. Дело заключается в том, чтобы научиться сочетать эту общемировую тенденцию с национальными интересами. Другого выхода нет.

Последний момент - соотношение ценности и истинности в социологическом знании. Очевидно, что любой социолог утверждает своими теориями (хочет он этого или не хочет) определенные позитивные цели, ценности, а также то, чего, собственно говоря, следует избегать (отрицательные ценности). Как и любой ученый, для того, чтобы обосновать истинность своего построения, он прибегает к аргументам от социальной фактуры. Но из современной методологии науки хорошо известно: то, что **есть** (факты), не может доказывать того, что **должно быть** (теория). Любые факты можно всегда по-разному интерпретировать. В социологии эта интерпретация непосредственно зависит от принятой и часто явно формулируемой системы социальных ценностей и идеалов. Означает ли явная ценностная нагруженность социологического знания бессмысленность стремления к объективной истине? Нет, не означает. И я не вижу здесь принципиальной разницы (хотя различие в степени есть) между социальными и естественнонаучными теориями. Как хорошо показал К. Поппер, мы никогда не можем доказать, что какая-то теория в естествознании истинна. Мы можем только показать, что она **ложна**, если фальсифицирована. Более того, всякая теория рано или

поздно будет опровергнута, так как любое теоретическое описание всегда в определенной степени односторонне описывает реальный объект. Но, как идеал - как идеология, которую исповедует ученый, истина всегда выступает важнейшим регулятивным принципом его деятельности. То же самое имеет место, на мой взгляд, и в социальном познании.

Другое дело, что в социологии больше размытости, неопределенности, трудно "заткнуть рот" противнику, как это легче делается, например, в естествознании с помощью тонко проведенного эксперимента.

Истинность и стремление к определенности должны остаться в социологии как общие принципы научной рациональности. С одной стороны, социальную реальность мы всегда можем видеть только каким-то определенным образом. А с другой, социальная реальность - вещь многопараметрическая и всегда находится в динамике. Она неизмеримо сложнее, чем физическая и любая другая. Поэтому может быть множество социологических теорий одного и того же объекта, которые не обязаны противоречить друг другу, а могут гармонично дополнять, если мы "разведем их по предметам". Поэтому плюрализм в социологическом знании, учитывая всю его специфику, не только возможен, но неизбежен, а с гуманитарной перспективы даже желателен.

В.А. Ядов: Я согласен с Н.Е. Покровским, что теория глобализации не слишком социологична. В последнее время в социологию стал входить термин "мировизация": разные сообщества, субъекты начинают реагировать на ожидание других, которые могут находиться от них на колоссальном расстоянии - физическом, социальном и всяком прочем. Тут можно ввести социологическую терминологию - "реакцию на ожидание", например, или другую.

Н.Е. Покровский: Одно замечание по поводу выступления С.А. Лебедева. Я как-то неосторожно упомянул понятие глобализации и мне кажется, что Сергей Александрович неправильно меня понял. Дело не в том, что я или кто-нибудь другой отрицает межкультурные, межрегиональные, межконтинентальные и транснациональные процессы, существующие в мире. Никто этого не отрицает - это очевидный факт. И никто, по крайней мере я, не дает им какую-то ценностную характеристику: хорошо это или плохо. Повторяю, это - факт. Но на его фоне строятся определенные конструкции, или констукты. И здесь научно-познавательная и методологическая ситуация значительно усложняется, поскольку, позволю себе напомнить, все такого рода теории подразумевают очень жесткую идеологическую направленность, однозначность. Разумеется, нет необходимости все теории глобализации подгонять под один и тот же цвет. Они заведомо разные. Есть среди них тяготеющие к Гидденсу, есть - к Турену, а Валенштайн - это совсем другой взгляд на мир, более центричный. И, кстати, уводящий цивилизацию из зоны влияния Соединенных Штатов, где, как сказал Сергей Александрович, сосредоточено 4/5 всех технологических новаций. На этом строится достаточно популярная и распространенная сейчас теория о преимущественном и закономерном влиянии американского образа жизни и системы ценностей на прочие регионы, страны и культуры. Это не столько научное, сколько идеологическое видение и понимание глобализации, где на место глобального претендует сугубо национальное. Вместе с тем эта теория имеет тенденцию сциентизироваться, т.е. внешне подкрепляться авторитетом научного знания, не становясь им по сути. В этом нет ничего удивительного. По параметру инновационных технологий США, действительно, во многом определяют современные мировые тенденции. А, скажем, культура? Здесь все не так очевидно. Так зачем же впадать в вульгарный материализм, исходя из процесса материального производства?

Е.В. Семенов: Я бы предложил различать идеологию и аксиологию. Идеология, видимо, устранима из социальной науки. От аксиологической же нагруженности социальные науки вряд ли могут освободиться. Идеология имеет некоторый

уничжительный налет, что проявляется уже в ее терминологии. Например, "эта страна", "демократия в этой местности не приживется", "фашизм" и т.д. Это не столько аксиологически, сколько идеологически нагруженные понятия. Они обязательно кого-то задевают. Они так и строятся, чтобы задевать людей. Вот от этой части можно, как мне кажется, устраниться и это было бы благом для науки.

А.А. Зотов: У меня короткий вопрос по поводу того, что социологические категории можно, как инструменты, переносить в рамки другой концептуальной системы. Я бы не согласился, потому что их содержание меняется. Я с этим столкнулся, занимаясь теорией элит. У Парето, например, смысл понятия "социальный класс" совсем другой, чем в теории Маркса. Когда он пишет, что аристократии как класса не существует, а имеют место выдвигенцы из разных классов или страт, то здесь совершенно иной смысл термина "класс". В этом плане нужно быть очень осторожным и не переносить механически понятия из одной концептуальной системы в другую.

Б.В. Сазонов: Мне кажется, что в нашей беседе наметились два сюжета, которые, я думаю, как-то связаны, но как - не очень понятно. Первый - это современная российская ситуация. Очевидно, что это очень большой вопрос. А второй - какое отношение имеет рефлексия этой ситуации к социологическому аппарату?

Если говорить, что специфика какого-нибудь социологического объекта влияет на социологию, то это одна позиция. Другая состоит в том, что научных подходов к одному и тому же объекту может быть много, а социология тем не менее одна. Главная проблема здесь, на мой взгляд, не в том, что мы отдаем предпочтение какой-то одной парадигме, когда и на Западе и у нас в России их существует множество. Главное заключается в том, какая из имеющихся парадигм или теорий является эффективной. Дело в том, что даже на Западе, социологические теории которого мы заимствуем и пытаемся применять у себя, далеко не всегда оказываются работающими. Вместе с тем никто не запрещает создавать собственные парадигмы по решению того или иного круга специфических проблем и вопросов. Я здесь не вижу какой-то радикальной и неразрешимой проблемы. Что касается собственно социологического контекста и социологической профессии, то здесь возникает масса проблем, которые имеет смысл обсуждать. Думается, что приоритет здесь принадлежит проблеме не понятийного аппарата, а социологической профессиональности. Ведь если концепций много, спрашивается, что можно и должно быть признано в качестве профессионального социологического знания? Является ли то, что сейчас здесь обсуждается, результатом обыденного видения социолога или это профессиональное социологическое знание?

Проблема профессионального знания в условиях множества теоретических парадигм мне представляется принципиально важной. Поэтому сегодня требуется думать не столько о выработке единой социологической методологии или инструментария, сколько о том, которая из многих существующих и возможных теоретических парадигм в том или ином конкретном случае применима.

Сегодня очень актуальна проблема вторичного анализа социологических данных. Дело не просто в том, чтобы использовать их как некоторые "данные" об объекте, а в том, чтобы зафиксировать, в каком контексте, в каком методологическом и методическом аппарате они получены. Проблема не в том, чтобы сказать, что один аппарат используется, а другой не используется, но в том, чтобы посмотреть, каким образом данные, полученные в одном концептуальном аппарате, могут быть сопоставлены с данными, полученными в других.

Второй момент, который мне хотелось бы отметить, это проблема соотношения социолога и других профессионалов в области "социального". У меня такое ощущение, что ранее для определения того, кто является социологом и что социологической теорией, служила вузовская структура. Если эти вопросы превращаются в предмет преподавания, то появляется возможность для формирования школы, и даже не

обязательно одной. В рамках преподавания академической и университетской социологии мы тоже могли видеть разные, но тем не менее признанные школы. Сегодня ситуация начинает меняться. Наряду с академической усиливается влияние прикладной социологии. И она тоже претендует на свою оформленность, профессиональность. И поскольку сегодня прикладные задачи становятся все более и более важными даже по отношению к академическим и преподавательским задачам, то возникает очень важная проблема: каким же образом определять профессиональность?

Когда заказчик заказывает ту или иную тему, то в этом смысле рамки между социологией и другими социальными дисциплинами становятся очень зыбкими. Заказчика не интересует социологическое исследование как таковое. Его интересует исследование, которое отвечало бы на его проблему. Тогда вопрос о том, как социологические ответы соотносятся со сведениями других специалистов - экономистов, политологов и прочих, - становится очень важным. И нет жестких рамок при установлении факта: является ли социология дополнительным инструментом при изучении ситуации, интересующей заказчика, или наоборот - определяющим. Это дело исследователя, принадлежащего к тому сообществу, которое выполняет данную работу. Какие границы будут установлены в рамках единого заказа между представителями различных профессий, в команде, где используются профессионалы различного типа, - это вопрос не однозначный. Он зависит от различного типа установок, от экспансии, которую проводят те или иные специалисты. Что здесь является социологическим, в чем именно здесь социологический профессионализм, в чем предметность - это очень важный вопрос, который нуждается в особом осмыслении.

Е.В. Семенов: Мне кажется, что вы затронули действительно важную проблему. Практика работы Российского гуманитарного научного фонда показывает, что в деятельности социологической секции наблюдаются самые большие сомнения относительно профессионализма своих коллег, вплоть до отрицания права оппонента на то, что он тоже может профессионально высказываться. Проблема профессионализма для социологов, действительно, судя по всему, коренная. Скорее всего это следствие того, что социологическое сообщество у нас все еще не устоялось. Ни понятийная система, ни авторитеты, ни методы этого сообщества как профессиональной целостности еще не сложились.

В.Э. Бойков (д-р философских наук, профессор, директор социологического Центра РАГС): Социально-экономические и политические трансформации, происходящие в современном российском обществе, диктуют необходимость уточнения научных критериев расчета и реализации выборки в социологических исследованиях с целью достижения репрезентативности изучаемых социальных объектов, будь то электорат, территориальная общность, конкретная социально-демографическая группа людей и т.д.

Дело в том, что традиционные стандартные схемы обоснованной выборки (основанные на списках избирателей или иных статистических базах) в принципе должны были обеспечивать реализацию вероятностного механизма отбора респондентов. Но насколько они отражают нынешнее социальное расслоение общества? Это остается неизвестным. Во всяком случае ясно, что весьма состоятельные люди и, напротив, те, кто оказался на социальном дне (а таких миллионы), как правило, оказываются вне поля зрения социологов. А это обстоятельство может обусловить весьма существенные погрешности в результатах исследований.

Обращусь для примера к некоторым материалам социологического мониторинга последней кампании по выборам президента РФ, осуществленного социологическим центром РАГС.

Анализ результатов четырех общероссийских опросов избирателей на основе непараметрических тестов - метода ранговых корреляций Кэндэлла - дал возмож-

Таблица 1

Теснота связи между ответами на вопрос: "Ельцин неоднократно высказывался о том, что главное - не допустить к власти коммунистов. Прав ли он в этом?" и самооценками материального положения (№=2 916)

Мнения	Самооценки материального положения					Доля среди опрошенных	
	живут богато	живут прилично	живут от зарплаты до зарплаты	не сводят концы с концами	живут в нищете	всего	%
Прав	12	182	363	122	44	786	27
Не прав	6	132	698	328	139	1331	45,6
Затрудняюсь ответить	6	101	382	175	80	799	27,4

Таблица 2

Поддержка Б. Ельцина и Г. Зюганова в разных социальных слоях (в % от количества респондентов в каждой из групп)

Группы	Б. Ельцин	Г. Зюганов
ВСЕГО	36	29
Профессиональный статус:		
рабочие	33	27
крестьяне	30	36
специалисты технического профиля	34	26
специалисты гуманитарного профиля	32	
пенсионеры	38	37
Уровень жизни по самооценкам опрошенных:		
живут прилично	58	12
живут от зарплаты до зарплаты	35	29
не сводят концы с концами	25	38

ность выявить латентные характеристики группового политического сознания и сравнить выявленные группы между собой.

Гипотеза, получившая эмпирическое подтверждение, заключалась в том, что структура политических предпочтений российского электората в весьма значительной мере зависит от степени социального расслоения (стратификации) общества. Именно это создавало для социологов огромные трудности в их попытках прогнозировать результаты выборов.

Наличие корреляции между политической позицией опрошенных и их социальным статусом подтвердилось перекрестным сравнением полученных в опросах самооценок их материального положения и отношения к антикоммунизму, который является своеобразным и рельефным индикатором типа политической ориентации избирателей (табл. 1).

На первый взгляд это распределение вполне естественно и не требует особых комментариев. Однако при ближайшем его рассмотрении возникает ряд вопросов.

Анализ, проведенный с помощью методики кластерного анализа, позволил обнаружить заметное смещение политических установок российского электората по сравнению с "нормой" социального порядка, где социально-профессиональная структура населения служит относительно устойчивой базой политической приверженности.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие значимой корреляции между уровнем жизни различных групп избирателей и их профессиональным статусом. Это отчетливо проявилось в политических ориентациях опрошенных, что видно на примере парных распределений результатов одного из опросов (табл. 2).

Как видим, статистически значимые различия в распределении ответов определяются не социально-профессиональным статусом, а уровнем материального достатка. За этим фактом кроется сложнейший процесс изменения социальной структуры общества, который, в частности, проявляется в рассогласовании между уровнем образовательной и профессиональной подготовки людей и их материальным положением. В конечном счете это приводит к росту маргинальных групп и к модификациям сознания и поведения части населения. Это требует внимательного учета как в формировании выборочных совокупностей обследуемых, так и в интерпретации результатов исследований.

Итак, одна из проблем, которую предстоит сегодня решать российским социологам, состоит в том, что до сих пор стандартно используется структура выборки респондентов, рассчитанная на основе "нормально" калькулируемых признаков - пола, возраста, профессии, места жительства людей и т.д. Однако в условиях "смещенности" экономических, социальных и политических ориентации населения эти признаки могут не срабатывать. Стало быть, требуется поиск дополнительных критериев достижения качества формирования выборки и обеспечения достоверности результатов.

В.Ф. Шаповалов: Я думаю, что проблема, которую мы обсуждаем, зависит от целого ряда факторов. Первое. Наш подход к понятийному инструментарию социологии и социальной философии зависит от следующей фундаментальной проблемы: Мы и мир, т.е. Россия и мир. От того, как мы подходим к этому вопросу, во многом зависит выбор инструментария. Здесь можно назвать по крайней мере два варианта решения проблемы. Мы можем принять некий образ мира, стандарт, построенный на видении так называемых цивилизованных стран. И соответственно оценивать российскую реальность. Подобный подход широко распространен в средствах массовой информации, которые изо дня в день навязчиво твердят: вот есть цивилизованные страны и Россия должна следовать их примеру. Такой образ мира есть образ некоего унылого единообразия: в перспективе все страны якобы должны соответствовать этому стандарту. Отсюда и научный инструментарий мы с необходимостью должны брать из западной социологии без всяких скидок, целиком и полностью перенося его на нашу реальность и подтягивая ее к этому образцу.

Другой вариант. Мы представляем образ мира как некое соцветие, разнообразие. Тогда каждая страна в этом соцветии - бутон, непохожий на другие. Тогда мы, вообще говоря, должны изобретать целиком и полностью свой собственный инструментарий и воспринимать те методы, которые предлагает западная социология, как некие приблизительные величины, как то, что является только отправной точкой для размышления. Но заведомо ясно, что они не приложимы адекватно к нашей реальности. При решении данной проблемы лично я склоняюсь ко второму варианту. Действительно, западную социологию нужно рассматривать как некую абстрактную модель, которая работает, но для того, чтобы она работала у нас, ее нужно существенно модифицировать.

На самом деле это применимо не только к социологии, но и к любой другой науке. И Запад тоже думает о своей самобытности. Так, например, Фернан Бродель написал книгу "Что есть Франция?" Сейчас вышла книга Макса Лернера "Цивилизация в Америке". Таких примеров можно привести много. То есть одной из существенных забот социолога, философа, историка в западных странах является как раз сохранение самобытности той или иной страны. Оказывается, Фернан Бродель изобрел свою методологию истории больших длительностей не из абстрактных соображений, а из того, чтобы залечить ту рану, которую нанесла Франции Французская революция, длительное время делившая общество на две части. И только длительная историческая перспектива позволяет примирить эти враждующие стороны.

Следующий фактор, который следует принять во внимание, - как мы представляем современное положение России (является ли оно переходным или просто динамичным). И мы не знаем, от чего к чему идем. Если мы примем ее состояние как переходное, то мы теряем возможность видеть опасности этого перехода. Мы все время будем иметь в виду те точки - исходную и ту, в которую мы должны прийти. Самое же важное - уловить серединку, то, что происходит внутри. Не нужно отвлекаться на прояснение того, от чего движется общество и к чему. А вот середину, ее специфические особенности нужно уловить.

Здесь, чтобы пояснить эту мысль, уместно вспомнить, что Вл. Соловьев в конце своей жизни пришел к выводу, согласно которому всякое изменение, особенно социальное, сопровождающееся ожиданием того, что на смену злу приходит добро, приводит в конце концов к осознанию того, что на место одного зла с неизбежностью приходит другое. И случается это именно тогда, когда люди ожидают, что придет добро, т.е. нечто новое и позитивное. В ожидании добра люди утрачивают бдительность. И социальные потрясения целиком укладываются в эту схему. В тот момент, когда сокрушен прежний общественный строй как олицетворение зла, приходит некая новая социальная сила, которая спекулирует надеждой. Это спекуляция на идее переходного периода. Думаю, что серьезным исследователям нужно дистанцироваться от этого. Иначе не будет не только социологии, но и вообще социальной науки.

Н.И. Лапин: Если не переход, то что же?

В.Ф. Шаповалов: Просто изменение, которое мы должны ловить, улавливать, и не нужно думать, что осталось совсем немного до желанного берега, а потому стоит лишь поднатужиться, пожертвовать еще три-четыре года для того, чтобы, наконец, оказаться в краю обетованном.

Последнее замечание относительно темы, которую мы сегодня обсуждаем, состоит в том, как мы представляем миссию социолога и социального философа. Я думаю, что здесь мы должны взяться за решение задачи создания некоей духовной элиты. Мы живем в массовом обществе, и все описания его, которые Ортега-и-Гассет дал в "Восстании масс", почти полностью приложимы к нашему обществу. В этом обществе количественно доминирует массово-коммерческая культура низкого качества. Это общество толпообразно, всюду наблюдателя преследует вид толпящихся масс: куда ни пойти - всюду толпы. Почему это происходит? Ортега подробно рассматривает этот вопрос. В таком обществе (массовое общество - это плата общества за свободу индивида: в нем все хаотично, неустойчиво, здесь благодатная почва для политических авантюристов) велика роль духовной элиты, которая не претендует на повышенное материальное вознаграждение, но берет на себя ответственность за его духовное состояние.

Н.И. Лапин: Мне кажется, что нам не надо бояться простых слов. Конечно, когда находишься в состоянии страха, боишься всего. Мне кажется, что не обязательно находиться в этом состоянии и бояться слова "переход". Изначально его интерпретируют таким образом, что не только **откуда**, но и **куда**, - точно известно. Это одна из интерпретаций. Почему обязательно смотреть или назад, или вперед, а настоящего не видеть? Наоборот, тот, кто оперирует термином "переход", вполне может сосредоточить внимание на настоящем. И кроме того никак нельзя уходить от вопроса: от чего? Даже если мы заменим его вопросом об изменении. Но тогда естественно встает вопрос: изменение по сравнению с **чем**? С тем, что было **до** и с тем, что будет **потом**. Здесь никуда не уйти от этой проблематики. Здесь любой термин равнозначен: "транзишен", "развитие", можно добавить - "диалектическое развитие", "прогресс" или "регресс" и т.д. Вне зависимости от слов мы обязательно попадем в одну и ту же проблематику *перехода*, которая, кстати, более глубоко и профессионально проработана социальными философами, чем социологами. Впрочем, это касается и проб

лемы инструментария. Однако тема эта для социологии очень важная и она нуждается в дальнейшем обсуждении.

В.В. Платковский: В журнале нам приходится иметь дело с материалами, которые свидетельствуют об определенном уровне социологии как науки в стране. Как правило, все они сейчас базируются на прикладных данных. В этом нет ничего плохого, так как в принципе можно идти к выяснению того, в каком обществе мы живем, отталкиваясь от прикладных задач. Прикладная задача подразумевает (если она профессионально сделана) постановку проблемы - будь то банковское дело или образование. Это, видимо, относится и к постановке гипотезы исследования, и к интерпретации. Это очень важно и заслуживает серьезного внимания со стороны нашего журнала.

В.В. Щербина: Мне показалось, что высказанный здесь тезис относительно того, что социологии не стоит заниматься философскими проблемами, не совсем точен. Мне ближе позиция Сазонова и отчасти неявно представленная позиция Покровского, который, в сущности, говорил о том же самом. Мы имеем дело со столь зыбкой материей, что если не определимся относительно правил игры в вопросах "веры", то с места не сдвинемся. Поэтому никуда от методологии нам не уйти. Это первый момент, представляющийся мне совершенно очевидным. Не можем мы говорить о чем-то другом, поскольку не договаривались о видении мира.

Второй вопрос, который мне кажется важным, практически не звучал, или звучал мало: мы не просто спорим о том, единая ли мы культура с Западом или разные. Если нельзя говорить о единой логике развития России и Запада, то можно обсуждать логику изменения. Такая логика существует. Когда мы говорим о прогнозах и моделях, то иногда забываем, что западная социология возникла в определенном месте, в определенное время и в определенных условиях, которые находились в определенной стадии развития и жили в определенной культуре. Вопрос о том, насколько они применимы к нам, - это вопрос о том, что схвачено с этой позиции и по логике нашего развития и по его особенностям. И, безусловно, прав, по-моему, Покровский, когда говорит, что в западной социологии есть целый ряд инструментов, от которых мы просто не можем уйти, но, с другой стороны, если бы наша недоделанная наука была на другой фазе, и этих концепций было бы больше, и исследователи понимали бы, что этот мир разворачивается по ним, тогда бы мы не пытались делать то, что мы сегодня делаем: примерять - подходит или не подходит. Мы бы говорили о том, что делать. Если мне двенадцать лет, то модель тридцатилетнего человека мне не по росту. У меня ощущение, что наше общество и наша наука за уровень двенадцати лет не поднимаются. Мы поднимаемся до какого-то уровня и сходим с него, потом опять идем до какого-то уровня, оставляем его в отроческом возрасте и снова проделываем такую же операцию. Наше общество не успевает подняться до взрослого состояния.

И третий момент, на котором я, как управленец, хотел бы остановиться. Он кажется мне очевидным, но, может быть, он не очевиден. Мне кажется, что когда мы не признаем или соглашаемся с прогнозированием, то забываем две вещи: когда идет распад и распадается то, что на каком-то уровне создано, прогнозировать довольно-таки легко; когда идет разворачивание, то прогнозировать это стопроцентно нельзя, потому что неизвестно, что из этого выйдет. Мы не должны отказываться от прогнозирования, потому что это вопрос, связанный с тем, за счет чего общество может и должно функционировать, и чем дело кончится, когда оно распадется. И мы не можем с достоверностью предсказывать, куда шагнет общество, но определить рамки, в которых оно может шагать, нам вполне по силам.

В.А. Ядов: Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что в нашем разговоре прозвучала не совсем четкая мысль, согласно которой нам нужен какой-то новый концептуальный аппарат для понимания тех социальных реалий, необычных, неповторимых, впервые

встречающихся, которые наметились у нас в стране. Я в этом сильно сомневаюсь. Концептуальный аппарат социологии в разных теориях или уже есть, или он все время возникает. И то, что в России возникло, - скажем, сорокинская стратификация или групповая мобильность, - вошло в литературу. Он просто увидел, что в России целые классы или группы упали вниз, а другие поднялись, и ввел понятия: а) "мобильность", б) "групповая". И это вошло в социологию. Массарик жил в развалившейся Австро-Венгрии и ввел в психологию и социологию понятие "социальной идентификации" вместо "солидарности". Мы же потеряли пространство, не знаем, в какой стране живем... В общем, если родится термин, подобный наумовскому (она говорит о модернизации рецидивирующей, и вот уже поляки и чехи в свою очередь начинают обсуждать это явление), то он обязательно войдет в нормальный научный язык.

Н.Е. Покровский: Я хотел бы полностью солидаризироваться с тем, что только что высказал Владимир Александрович. Никакого специального социального аппарата у нас не видится и не предвидится. И он, в сущности, не нужен. Лично для себя в качестве индикатора прогресса я принимаю ситуацию, когда все наши студенты, аспиранты и ученые начнут говорить на интернациональном языке социологии. Тогда будет больше ясности и возникнут теории, объясняющие специфические состояния России, с которыми будут солидарны многие специалисты. Из категориальной ясности, рационализации возникает объяснение специфичности, а не наоборот. Вряд ли следует строить из специфичности какую-то новую науку.

Ж.Т. Тощенко: Я согласен с мнением Николая Ивановича, что наше сегодняшнее обсуждение есть всего лишь начало разговора. Мы пока что остановились на социально-философском, методологическом срезе данной проблемы и практически не затронули ее прикладную сторону. Я провел для себя ревизию, какие общие теории существуют. Отчасти их сегодня уже затрагивали. Это теории глобализации, модернизации, проблема общества переходного периода и др. Здесь вполне возможно многоцветье идей. Когда же мы переходим к прикладной стороне вопроса, скажем, в социологии труда, которая работает в настоящее время, то в ней понятия, направленные на освещение дисциплины труда, соцсоревнования, текучести кадров и т.п., практически утратили свою социологическую значимость и не работают в современных условиях. Оперировать ими бессмысленно. Это мы замечаем и в журнале: поступление статей в старом смысле социологии труда практически прекратилось. И не потому, что специалисты не хотят на эти темы писать, а потому, что изменилась сама социальная реальность.

Появилось очень много нового в политической социологии. Это проблема элит, бюрократии, политического поля и т.д. Многое сейчас используется у нас из западных теорий. Многие из них мы сейчас пытаемся приспособить к себе, но вряд ли наша социология успешно решает эту задачу. Слишком много наблюдается копирования и рассуждений по аналогии, искажающих социально-политическую ситуацию в России, вместо ее научного прояснения.

Есть и вопросы принципиально нового подхода, например, в области этносоциологии, национальных и межнациональных отношений. То, чем мы оперировали в еще недавнее время, претерпело очень существенные коррективы. И здесь мы имеем дело с ситуацией, которой фактически не знал западный мир, а потому и не может дать нам достаточно полной системы социологических понятий для ее воспроизведения. Многое приходится нащупывать и прорабатывать самостоятельно, но не изолированно от понятийно-категориального аппарата мировой социологической науки, а как бы в дополнение к ней. Например, понятия социального и межнационального конфликта могут носить общесоциологический характер. В качестве базовых их можно использовать при изучении социума и в США, и в Латинской Америке, и в Африке, и в России. Но совершенно очевидно, что конкретное содержание этих понятий от государства к государству, от этноса к этносу будет меняться. Поэтому

вряд ли практика решения такого рода конфликтов в бывшей Югославии может быть применима к Африке или, что для нас актуальнее, - к России.

Мы сейчас часто сталкиваемся с такими процессами, которые вольно или невольно выводят нас на проблему понятийно-категориального аппарата и его соответствия быстроменяющейся, трансформирующейся социальной реальности. Здесь действительно возникают вопросы, которые заставляют нас выходить за пределы прикладной социологии и общеметодологических вопросов, которые нам, судя по всему, придется решать не путем заимствования соответствующих философских наработок и предложений, а путем их переосмысления в плане интересов собственно социологической теории и практики.

Мне кажется, что есть все основания считать нашу сегодняшнюю встречу одним из первых шагов в отмеченном направлении и, думается, мы должны продолжить работу над этой проблемой и в рамках журнала, и привлекая к сотрудничеству специалистов, которые испытывают потребность в ее освещении и проработке.

Благодарю всех за участие в работе и рассчитываю на ее совместное продолжение.

Материал подготовил Л.И. ЗИМИН